

Мнение

**проф. д-ра Людмила Иванова Димитрова,
Софийский университет им. Св. Климента Охридского, Факультет славянских
филологий, Кафедра русской литературы**

на диссертационный труд на соискание научной степени „доктора наук“

в: Области 2. Гуманитарные науки;

профессиональное направление: 2.1. Филология (Русская литература)

**Автор: доц. д-р Николай Михайлов Нейчев, Пловдивский университет „Паисий
Хилендарский“, Кафедра русской филологии**

**Тема: „ПРОБЛЕМА ВРЕМЕНИ В ПЯТИКНИЖЬИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
(Хронос. Кайрос. Вечность)“**

Я ознакомился подробно с полным текстом труда доц. д-ра Николая Нейчева, с авторефератом, резюмирующим основные тезисы и обосновывающим структуру работы, как и с публикациями по теме диссертации – 10 статей и 5 студий, вышедших в период 2009–2022 гг.

Доц. Нейчев – самый последовательный и ревностный исследователь творчества Федора Михайловича Достоевского у нас, предлагающий свой концептуальный подход, воспринимаемый нередко как провокативный, который на этот момент однако никому не удалось убедительно оспорить, ни перевернуть строгими научными аргументами. Наоборот, позиция автора замечена и все чаще цитирована в иностранной русистике. Не на последнем месте следует подчеркнуть, точнее, припомнить замечательный факт, что именно его более ранняя студия „Ф. М. Достоевский. Таинственная поэтика“ (2000 г.) – единственный монографический текст болгарского ученого, переведенный и изданный в России, что обеспечило значительно более широкое распространение его оригинальных тезисов и оказалось представительным для нашей литературной русистике вообще.

В этом смысле не удивительно то, что в очередной раз Николай Нейчев обращается к заветному „Пятикнижью“ Достоевского. Знаменитые произведения, принадлежащие мировому литературному наследию, безграничны и как текст, и как предпосылка метатекстовых рефлексий, и раз допустив тебя к себе, с большим трудом можно преодолеть увлеченность ими. Нейчев не просто еще раз читает уже многократно прочитанное и продуманное, он систематически (и симптоматически) надстраивает свое собственное ментальное эмансипирование в этой художественной реальности, так как он уже достиг целостного поглощения себя в фикциональном и парафикциональном мире Достоевского, и ему удастся проверить и подтвердить его истинность через свой собственный экзистенциальный, а в неменьшей степени и метафизический опыт.

Что имею в виду этим последним – длинным и слегка претенциозным – предложением?

Не было бы оправдано с моей стороны упрекнуть доц. Нейчева в том, что он подчинил свою научную карьеру единственно Достоевскому и его пяти поздним романам, так как статьями, предисловиями, докладами и публикациями он охватил все важные произведения XIX-го века и их авторов. Иными словами, к экзамену по этому периоду можно подготовиться только по его собственным текстам. Но в случае акцент иной. И он – утверждаю ответственно – акцент на научный вклад, хотя и снова неожиданный в достоевистике. Коротко говоря, после того как он до этого времени заметил макроконструкцию „Пятикнижью“ как храм с притвором, корабль, алтарь, купол..., последовательно покрытые каждым отдельным текстом, доц. Нейчев представляет новый ключ для прочтения и осмысления и без того неисчерпаемых семантических и семиотических уровней. Этот ключ состоит в восприятии времени в романах согласно хронологической последовательности их написания как следующее житиям святых в дни их событийного порядка, как их изложил Чети-Миней св. Дмитрия Ростовского. Это первая большая находка, потому что, как бы и скептическим был я к ее предварительному введению, в ходе чтения она оказалась не просто работающей, но полностью защищенной. Исследователь имеет огромный вклад и в реконструирование онтологического времени в романах, не везде оно четко и эксплицитно показано. Часто по весьма косвенным признакам можно установить месяц и день, когда происходит тот или иной случай, составляющий полифонический сюжет / рассказ.

Исследование структурировано во введении, трех частей – первая с пятью главами, а вторая и третья – содержат по шесть глав, заключение, цитированную литературу, насчитывающую более 600 библиографических единиц на болгарском, русском, английском, немецком, французском и греческом языках, и девять приложений. Общий объем – 693 страницы.

Критический сюжет строится на сложной траектории, начиная с теоретического введения в Хроносе и его понимание в трудах Ферехида, Платона, Аристотеля, Августина, Лейбница, Спинозы, Канта, Гегеля. Специальное место уделено экспонированию онтологического времени от Киркегора и Ницше – современных Достоевскому философов, с которыми он строит сложный и неравный заочный диалог: в режиме интегрирования и оспаривания / опровержения. В последних главах первой части Нейчев продолжает проследить, как развивается теоретический дискурс во времена после Достоевского в текстах – философских, эссеистических и художественных – Бергсона, Хайдеггера, Камю и Сартра. В главе четвертой первой части проблема хроноса обосновывается в широком диапазоне между представлениями Ньютона и Эйнштейна. Независимо от очень искусное проследивание различных концептов о бытийном времени, однако, диссертация как будто „забывает“ о том, что строит рассказ об авторе, признанном частью мирового *литературного* канона, и в очередной раз косвенно помогает другим гуманитарным полям, остающимся вне художественного поля зрения Достоевского.

Попаданием с научно выдержанным подходом является разграничивание *времени* и *вечности*, а с другой стороны, *хроноса* и *кайроса*, очевидно тоже дифференцированных в художественном и теологическом сознании Достоевского, что есть собственно топика второй и третьей части. Еще в начале второй части, занимающийся кайросом, доц. Нейчев делает важное уточнение: „Под „кайросом“ следует понимать сакраментальная идея „мгновенья“, которой начинается христианское новозаветное время (после Боговоплощения), т. е. временной период, который согласно Божьей цели должен пройти, перед тем как придет Божье царство“ (Диссертация: 300). Смее утверждать, что такой сопоставительный ракурс никогда не появлялся в мировой достоевистике, несмотря на то, что проблема частично затронута разными учеными, но всегда как деталь, аспект, подробность и никогда как целостный концептуальный тезис. Не менее дерзко, но

убедительно заключение Нейчева о том, что „для Достоевского пространство и время – самостоятельные категории, а не поистекают одна из другой“, как и что „феномен „время“, связанный с **возрастью** человека, есть *центральная проблема* в поздних текстах Достоевского, и она *овладела полностью сознанием его героев*“ (Автореферат: 10, 16; курсив – автора). Здесь автор проводит почти невидимую интертекстуальную нить к Чехову и к персонажам в его драматургии, которые помнят и всегда хотят подчеркнуть свой возраст (несомненное влияние Достоевского).

А и по мнению Нейчева можем мыслить поведение персонажей как своеобразный действенный палимпсест уже предсказанного святыми, покрывающими соответствующий день православного календаря, что отнимает у них от бытийной свободы, но нагружает их сакральной миссией, так как индиректно их действия указывают на выход из экзистенциального тупика и „обещают“, а и подтверждают философию православия о жизни души. Или, как утверждает исследователь, „скрытый агиографский сюжет „просветлевает“ под видимым „светским“ нарративом романа и озаряет повествование житийной духовностью и переносит его в другое, кайротическое время“ (Автореферат: 47). Иначе говоря, Юлианский календарь предначерчивает алгоритм действий героя, управляемого неосознанным, но в ходе сюжета вынужден каким-то образом найти объяснение. Он оказывается зависимым не столько от своего, сколько от авторского пристрастия, что делает его несамостоятельным, своеобразным агентом преднамеренного внушения.

Диссертация „собрана“ из уже апробированных статей и студий в болгарских и иностранных литературоведческих сборниках и журналах основных идей, по которым можно проследить за динамикой авторской мысли – откуда она отправляется, от чего отказывается, что накапливает и, в конечном счете, удерживает ли первоначальному импульсу, или в процессе аналитических рефлексий над ней меняет свое направление и формулирует далеко более прецизированных выводов (например, начальная идея о „Идиоте“ и „Бесах“ как единый текстовый бином, заложенная позже в гораздо более широкой интерпретативной семиосфере). В случае важно то, что доц. Нейчев публикует уже обдуманые тезисы и подтезисы, проектированные через услужливую сепаративность (самостоятельность) отдельных произведений.

Автореферат (66 стр.) выдержан профессионально согласно требованиям жанра, и в нем тщательно и убедительно изложены основные акценты в диссертационной работе.

Какие бы и вопросы ни возникли, как например, этот: чтобы читать Достоевского, непременно ли мы должны знать Чети-Миней Д. Ростовского и причинит ли нам вред, если подойти к „Пятикнижьи“ как к литературе? – отмечу, что профессиональное чтение значительно отличается от необременного, любительского, и цель современного научного подхода – именно герменевтически обосновать эти несоответствия. Что в сущности и делает комментируемая здесь диссертация.

На основании сказанного считаю, что избранная тема, ее изложение с аргументами, примерами и выводами, вполне защищена, и рекомендую уважаемому Научному жюри присудить доценту д-ру Николаю Нейчеву ученую степень „доктора филологических наук“.

София, 31.01.2023 г.

Изготовил мнение:

(подпись)

Проф. д-р Людмил Димитров